

Вырезка из газеты

КОММУНИСТ

г. Саратов

31 ДЕК 1987

№ 6300

Бенефис актрисы, каких немало в жизни театра: она служит сцене уже 56 лет. Бенефис актрисы, каких немало в истории русского театра, пожизненно преданной одним-единственным сценическим подмосткам. Правда, такой торжественный тон ни к чему при разговоре о Людмиле Степановне, чья натура и актерская судьба требуют слов достойных и простых. Но подобная актерская жизнь, долгая, несуетная, не спящая блеском многочисленных регалий, рождает такое глубокое уважение, что хочется говорить высоким «штилем». Любая статья о творческом пути Л. С. Муратовой начинается с того, что она — дочь знаменитого актера С. М. Муратова. Предоставим слово самой героине нашего повествования для рассказа об отце, о себе, потому что, как нам кажется, он кое-что прояснит в природе муратовского честнейшего служения театральному делу.

«Актерами были и отец, и мать. Я не мечтала об актерской карьере, знала, как тяжело в театре, особенно женщине, училась музыке (у меня было меццо-сопрано), французскому языку, танцу. Отец с матерью работали в горьковском театре, там закончила школу. В тридцатом году мы переехали в Саратов, я стала преподавать в ликбезе. Потом поступала в строительное училище — не взяли. Было лето, папа с мамой уехали в Кисловодск, а меня подружка позвала поступать в сотрудники театра им. К. Маркса. Взяли. Как родителям сказать? Приехали они, говорю: «Я в театр поступила». — «Кем?» — «Артисткой». И мама упала в настоящий обморок. А папа: «Молодец, дочка».

Папа совершенно не вмешивался в мои театральные дела: он был членом режиссерской коллегии, но когда распределяли роли, выходил, чтобы не влиять. Я была занята в нескольких спектаклях, где он играл главные роли. И однажды он увидел, что я расхопизничалась на репетиции. Смотрю, он стоит и из-за кулис кулаком мне грозит, — ну я собралась тут же. Я его спрашивала: «Как ты работаешь над ролью? Ведь три класса кончил, а барина играешь — как настоящий барин по сцене ходишь». А он: «Учу текст и все». Был такой интересный момент у нас в спектакле «Дети Ванюшина»: я играла Людмилу, папа — папу, мама — маму. Свою маму я очень любила, а папу обожала. У нас был гостеприимный дом. Отец любил людей, молодежь. Каждый понедельник у нас на Малоказачьей собиралась большая театральная компания. Но если кто-то раскрывал рот, чтобы сказать что-то злое о театре, — отец так осаживал! Не понимал, как можно плохо говорить о том месте, где работаешь».

Передо мной лежит список ролей актрисы, репертуарный лист, а вернее, четыре листа,

на которых уместилось более сотни самых разных женских имен, которые носила на сцене Людмила Степановна. В начале списка — несколько безымянных персонажей, потом появляются немудрящие имена, очевидно, обозначающие далеко не центральных героинь спектаклей, а чуть позже начинаем встречать здесь классических знакомых, например, Фетинью из «Не было ни гроша» и Мурзавещику из «Волков и овец» А. Островского, Арину Пантелеймоновну из «Женитьбы» Гоголя, Меланью из пьесы М. Горького «Егор Булычев и другие», Марселину из «Женитьбы Фигаро» Бомарше, Сосипатру Семеновну из «Красавца мужчины», а в 70-е годы среди прочих уже

жить не главными ролями, а, в основном, небольшими или эпизодами, и именно такие профессиональные качества дают возможность сделать их достоверными и объемными. Муратову всегда ждали особые удачи, когда в роли господствовала комедийная стихия, требовался небольшой шарж, а еще лучше, если можно было проявить музыкальный и пластический дар.

«Моя первая роль со словами была в спектакле «Поднятая целина». Я должна была произнести: «Хлеба сколько...» Слово очень долго репетировал со мной этот текст. Он был нашим педагогом по декламационному искусству. Каргано ставил нам голос, Хованский занимался актерскими отрывками,

на играет там старуху, живущую в доме престарелых, существо несколько эксцентричное. Да разве мы не видели на сцене эксцентричных старух, кажется, даже можем заранее себе представить, что она будет путаться в воспоминаниях, недослышивать, требовать повышенного внимания к своей персоне. Так, да не так.

Я смотрела на сцену, и поражаюсь, как ничего нарочно не педалируя, не заботясь специально о сочных моментах роли, Муратова существовала на сцене, создавая образ человека несуднозначного: в ней читалась и прошлая властность, и хитрость, и прежний каприз, и страшноватый простодушный эгоизм, и детское недоумение перед обидами. Она точно сыграла существо, рожденное определенным временем, и была необычайно органична в каждом своем проявлении, даже в самом, казалось бы, нежизнеспособном. Смотрела и думала, что в ней есть та подлинная актерская косточка, которая позволила ей и после огромного театрального пути сохранить первозданный артистизм и драгоценную непосредственность. Какая-то закалка, что ли, особенная!

«У меня есть орден Трудового Красного Знамени, как и у папы. В 70-м году получила звание заслуженной артистки РСФСР. Десять лет была секретарем партийной организации театра, — трудно: как говорить, ни выходов, ни проходных. Вся моя жизнь — в театре. Я и болеть не могу, дома меня ругают, а я все равно иду в театр. И мне там говорят: «Никуда вы от нас не уйдете!» Счастливая у меня судьба».

Муратову в театре любят, зовут с нежностью «Люттик», удивляются тому, как всегда готова к репетиции, раньше всех знает текст, как неизменно волнуется перед выходом, как никогда не выходит «пустая», как подробно интересуется всеми делами театра, никогда не вступает в праздные разговоры о нем. Людмила Степановна не поддерживает беседы о «тайнах» своей профессии и на вопрос о работе над ролями отвечает, как отец: «Учу текст». Есть подлинная мудрость в том, что человек не сваяннодействует над пройденной судьбой. Но мы-то не можем не испытать благоговения перед почти шестидесятилетней жизнью в театре. Перед путем цельным, безыскусным, освещенным преклонением перед мастерами прошлого, восхищением своими партнерами, благодарностью сегодняшним коллегам и жадной работой.

Размышляя об этом, невольно приходишь к выводу, что, видимо, дар актрисы, ее человеческая суть и линия судьбы просто скреплены той единственной печатью, которая дает право на чистое служение сцене, «театра древнюю печатью».

И. ГОРЕЛИК

Искусство

ТЕАТРА ДРЕВНЯЯ ПЕЧАТЬ

Сегодня в драматическом театре
имени К. Маркса — бенефис
Людмилы Степановны Муратовой

вкрапливаются «бабушки и тети»: бабушка в «Рождественниках», тетя Тони («Прознись и пой»), Христофоровна в «Палагее и Альке», Ильинична в «Тихом Доне». Мелькают авторские имена: Шекспир соседствует с Сафоновым, Лопе де Вега с Рацером и Константиновым, Гоголь с Корнейчуком.

А вот ворох фотографий Муратовой в образах: ее можно узнать почти везде, но какое разнообразие человеческих типов, выражений лиц, настроений, эпох, мировоззрений, наконец. Фотоальбом артистки — многозначное, полное даже философского смысла зрелище: будто бы один человек мгновенно проживает полярные взгляды на жизнь, разные моменты истории человечества, здесь каждый фотомиг — вспышка единственной судьбы. В этих обычных театральных документах закодирована громадная актерская жизнь, которую так хочется полностью прочесть, разгадать.

Вот газетные статьи о Муратовой, эпитеты из которых сами собой укладываются в две ясные линии: одна из них сообщает о том, что исполнительскому мастерству Людмилы Степановны свойственны жизненность, теплота, простота, трогательность, а другая — что ее работам присущи острота, емкость, меткость, колоритность. Плодотворное сочетание! Ведь удел характерной актрисы —

Тункель преподавал ритмику, музыку. Сначала играли в массовках, потом эпизоды стали давать.

Вообще режиссеры меня не обделяли, много работала и с Васильевым, и с Ефремовым, и с Лазаревым, и с Ляшенко, и с Бондаревым, и с Басиним, и с Менчинским, потом с Рубиным, с Лядовым, с Дубининым. Для меня навсегда: если режиссер сказал, то я в точности выполняю его просьбу, ничего сама не изменяю в роли, в облике. Труппа у нас дружная была, война еще больше сплотила. И как-то все режиссеры, которые приходили, не меняли круто жизнь театра, а старались внести свои коррективы тактично.

Александр Иванович Дзекун нас очень жестко воспитывает. Я когда с ним первый раз репетировала, как кролик на удава на него смотрела, тряслась, а он ко мне — очень деликатно. Когда дает небольшой эпизод, непременно скажет, что именно ему я нужна. Да я и в массовку пойду. Последнее время я была занята в четырех спектаклях, в маленьких ролях, а вот теперь большая: в спектакле «Женский стол в охотничьем зале» В. Мережко. На репетициях Александр Иванович обращается со мной бережно, как с хрустальной посудой».

Двадцать шестого декабря состоялась премьера «Женского стола...» Людмила Степанов-